

Не успела она опомниться, как ей захотелось стать той, кто удовлетворит его потребности, и вот она уже стоит на коленях, убажывая его. И, несмотря на его молчание, она могла сказать, что он доволен - или, по крайней мере, наслаждается физическими ощущениями, которые она ему доставляет.

Гермиона взвизгнула, когда его руки переместились с ее волос на челюсть. Легкое давление его рук на нее заставило ее застонать в знак протеста, когда она поняла, что он пытается оттащить ее от себя. Гермиона подняла на него глаза и нахмурилась, не желая отстраняться. Она удивленно отпустила его, когда он тихонько захихикал, забавляясь ее протестом.

«Поднимись сюда, - пробормотал он, проводя пальцами по ее шее до ключиц. Гермиона медленно поднялась и встала, когда он побудил ее подняться на ноги.

Гермиона затаила дыхание, сердце колотилось о ребра так сильно, что было больно. Он не сводил с нее взгляда, а его проворные пальцы ловко расстегивали пуговицы на ее рубашке, обнажая скромный белый бюстгалтер. Он провел кончиками пальцев по ее груди и животу, пока не наткнулся на пояс джинсов. Гермиона задышалась, когда он расстегивал пуговицу, а треск молнии был похож на изысканную пытку, когда он спускал ее вниз, не сводя с нее глаз.

«Ты боишься?» - спросил он низким, греховным голосом, от которого она затрепетала.

Гермиона медленно покачала головой из стороны в сторону и положила руки ему на плечи, когда он расстегнул молнию на джинсах и начал спускать их с ее ног. Его губы дрогнули, когда они достигли ее лодыжек, и Гермиона сняла туфли, прежде чем выйти из них. Он нарочито холодно и оценивающе провел глазами по ее телу, и Гермиона задрожала еще сильнее, когда его пальцы нащупали маленький бантик, пришитый к передней части ее черных трусиков.

«Ты делала это раньше?» - спросил он так же тихо.

Гермиона разрывалась. Конечно, она занималась сексом и раньше, но никогда не чувствовала себя так, будто вибрирует, будто вот-вот взорвется от вожделения и потребности. Никогда к ней не прикасались так нежно, как в тот момент, когда он большими пальцами выводил узоры на ее животе, рисуя руны и круги, от которых хотелось растаять в его объятиях.

Она медленно кивнула головой, когда он поднял глаза к ее лицу и замер в ожидании ответа. Ещё одно подрагивание его губ подсказало ей, что он доволен её опытом, и Гермиона надеялась, что это потому, что он не собирался быть с ней покладистым или нежным. Он не был нежным или милым мужчиной, и она не ожидала, что он будет так тряхаться.

Когда он запустил руки под пояс ее трусиков, Гермиона практически завибрировала от желания, и он злобно усмехнулся, прежде чем стянуть их с ее бедер и отправить в лужу у ног, оставив ее обнаженной для его взгляда.

Он слегка обхватил её бедра и развернул перед собой, после чего прижал её спиной к своему

столу. Гермiona завизжала, когда он с видимой легкостью поднял ее и усадил на край своего стола. Он раздвинул ей ноги, и Гермiona ахнула, поняв, что он собирается сделать: одна рука скользнула вверх и уперлась в центр ее груди, толкая ее назад, пока она не оказалась лежащей на столе, а он - между ее бедер.

Гермiona зажмурилась от страха и возбуждения, почувствовав, как его свободная рука медленно скользит по ее животу, а затем ниже. Его пальцы танцевали в аккуратно подстриженных кудряшках, которые составляли ее сердцевину, и когда он провел двумя пальцами по ее щели, они были холодными и совершенно контрастировали с ее горячей, пульсирующей плотью. Она вскрикнула, когда он без предупреждения вогнал в нее два длинных пальца - ее киска была настолько мокрой, что он не встретил никакого сопротивления.

Она выгнулась навстречу его прикосновениям, откинула голову назад и издала низкий стон. Боги, как же она жаждала этого и боялась, что в любую минуту проснется и обнаружит, что все это было сном. Не первый, который она пережила.

«Фантазируете обо мне, мисс Грейнджер?» - спросил он, проводя своими ловкими пальцами по ее телу.

Она была пределом слов, невнятная от приятного бреда, но Гермiona знала, что ему не нужно говорить, чтобы подтвердить правду. Достаточно было заглянуть в её разум, и он получил бы ответ. Она мечтала о ночах, проведенных в его объятиях, и Гермiona застонала, когда он без предупреждения наклонился вперед и засосал ее клитор в рот, а его пальцы все еще манили ее внутрь.

Боги, она готова была взорваться, а он едва прикоснулся к ней. Гермiona застонала, ее глаза заслезились, а ноги попытались сомкнуться на нем в отчаянной попытке защитить себя, как будто они могли уберечь от разрушения, которое обещало случиться, если приливной волне удовольствия будет позволено достичь своего крещендо. Его костлявые плечи мешали ей, а злобная усмешка возбуждала чувства, доводя до иступления.

Сама того не желая, Гермiona запуталась руками в его темных волосах, перебирая пальцами тонкие пряди, и выгнулась навстречу его прикосновениям. Ласки его губ и языка в сочетании с его пальцами привели к тому, что она была уверена, что умрет от удовольствия и счастья, пока он будет безжалостно мучить ее. В животе запорхали бабочки, а в чувствах вспыхнул огонь. В глазах вспыхнули фейерверки, и Гермiona издала слабый стон завершения, когда волна нахлынула на неё и вытеснила воздух из лёгких, а она крепко вцепилась в его пальцы.

И прежде чем Гермiona успела застонать, чувствуя, как ее тело немеет от блаженства, он отстранил ее от стола, скользнул по поверхности и притянул к себе на колени. Гермiona застонала, когда он идеально выполнил это движение, и, прежде чем ее оргазм угас, она оказалась насаженной на его пульсирующий член, ее ноги были раздвинуты, а руки запутались в его волосах. Его руки крепко обхватили ее спину, прижимая к себе, и Гермiona застонала, когда он прочертил линию поцелуев по ее груди, раскачиваясь под ней и проникая все глубже.

Задыхаясь от удовольствия, Гермиона крутила бедрами, раскачиваясь под каждым его ударом и выгибаясь под его ртом. Она чувствовала, как дрожат его мускулы и как он дышит, доводя себя до исступления, используя ее для собственного удовольствия, пока он снова доводил ее до конца. Когда она была уверена, что не выдержит больше ни минуты этой сладкой пытки, его дыхание участилось, бедра задвигались, и Гермиона сломалась, когда он тихо застонал, уткнувшись лбом в ее плечо, когда он кончил в нее.

Гермиона вздохнула, когда прилив сил начал ослабевать, все еще прижимаясь к нему и не желая двигаться. Его руки разминали её поясницу, заставляя её стонать, и она отдалась ему, прислонившись к его груди, когда он медленно откинулся в кресле, раскинувшись на нём в самых близких объятиях, которые он только мог себе позволить. Гермиона закрыла глаза, вдыхая аромат его кожи и сосредотачиваясь на тепле, которое, казалось, наконец-то исходило от него, а не на силе и холодной ярости, которые он излучал с момента своего появления в доме.

В затуманенный разум Гермионы проникло шипение котла, и она повернула голову к нему на плечо, сузив глаза на зельеварение, которое она варила в углу комнаты.

«Что вы варили, мисс Грейнджер?» - тихо спросил он, медленно напрягаясь под ней, когда тихий момент блаженства был нарушен.

«Мазь от ушибов, - вздохнула она, нахмурившись, когда от заброшенного зелья начал исходить едкий запах.

«Ты переварила его и образовался душильный газ», - заметил он, и Гермиона никогда не слышала, чтобы он так легкомысленно относился к уничтожению зелья.

«Похоже на то», - согласилась Гермиона, не делая никаких движений, чтобы вмешаться в зельеварение, не желая пока покидать его.

«Ты не можешь оставаться там вечно, понимаешь?» - сухо спросил он, казалось, находясь где-то между неодобрением и весельем.

«Нет», - вздохнула Гермиона. «Я думаю, нет».

Медленно отстранившись от него и откинувшись назад, чтобы заглянуть ему в лицо, Гермиона слегка кашлянула и нахмурилась.

«Снимай, сейчас же», - приказал он. «Быстро. Пока мы оба не начали задыхаться».